6. В борьбе за диалектический материализм.

„К вопросу о развитии монистического взгляда“.—Плеханов и французский материализм.—Против „ревизии“ Бернштейна.—Борьба с эмпириокритицизмом.—Плеханов о „вещи в себе“.—Плеханов о Махе.—Плеханов и Дицген.—Борьба за марксистскую экономию.—Плехановская диалектика.

I.

Маркс и Энгельс создали диалектический материализм, оставив своим последователям великую задачу собирания во-едино и систематизирования их гениального наследства.

Задача эта была выполнена духовными наследниками Маркса и Энгельса, среди них одним из первых Георгием Валентиновичем Плехановым.

Постараемся выявить роль Плеханова в деле популяризации идей диалектического материализма, углубления его отдельных проблем, превращения его в универсальный метод исследования общественных явлений —одним словом, в деле разработки той—по слову Меринга—„рудоносной жилы с огромным запасом неиспользованных сокровищ", которую представлял собою исторический материализм после Маркса и Энгельса.

Г. В. был „заражен" историческим материализмом уже задолго до того, как он стал марксистом. Еще в народническом периоде своего развития Плеханов, находясь под сильным влиянием Бакунина, заимствовал у последнего его уважение к историческому материализму. Об этом говорит сам Плеханов в предисловии к первому тому его сочинений, вышедшему в 1905 году в Женеве, об этом свидетельствуют некоторые статьи, относящиеся к народническому периоду жизни Г. В.

Так, уже в статье „Закон экономического развития общества и задача социализма в России", написанной в январе 1879 года, т.-е. за четыре года до его разрыва с народничеством, Плеханов обнаруживает, в отличие от его товарищей по революционной работе, согласие с основными положениями исторического материализма. В этой статье Плеханов выступает против утопистов, счи-

тающих, что „метафизическая сущность—пропаганда способна изменять по произволу ход истории". Через год Плеханов говорит уже языком человека, твердо стоящего на почве исторического материализма. В статье „Черный Передел" (январь 1880 г.). Г. В. определенно заявлял: „Экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренною причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов".

С середины девяностых годов борьба между марксизмом и народничеством перенеслась из зарубежной нелегальной печати в легальную русскую прессу. Стирая острые углы революционной терминологии, затушевывая политическую сущность спора, придавая ему характер отвлеченного чисто теоретического расхождения, пряча крамольные имена авторов под покровом таинственных псевдонимов, марксизм протаскивал сквозь цензурные ущелья контрабанду своих идей.

Знаменосцем марксизма в новой кампании, как и в предыдущей, выступил Плеханов. Его талантам мы, по преимуществу, и обязаны тем, что, несмотря на все неблагоприятные условия борьбы, протекавшей под наблюдением недреманного ока царской цензуры, марксизм четко и определенно выявил в ней свое революционное лицо.

Девяностые годы минувшего столетия отмечены в летописях общественной мысли Западной Европы, как эпоха страстной научной дискуссии по вопросу о сущности исторического материализма. Представители академической науки ополчились к тому времени против материализма—народившейся философии пролетариата. Исторический материализм обвиняли в механичности, внутренних противоречиях, фатализме, философской плоскости, квиетизме, шаблонности, аморальности, метафизичности... Направленные против исторического материализма выступления дали повод Карлу Каутскому, Францу Мерингу, Полю Лафаргу выступить с блестящими апологиями исторического материализма, значительно обогатившими научную сокровищницу марксизма.

Дискуссия, которая велась вокруг исторического материализма, вызвала отклик и в России. В русских журналах 1892—4 годов появился ряд статей, „развенчивающих" исторический материализм преимущественно аргументацией германских идеалистов. Н. К. Михайловский, проф. Кареев, Кудрин, Николай I—он, Южаков и другие критики исторического материализма доказывали доктринерскую однобокость этой системы, ее догматическую односторонность, ее научную несостоятельность.

Ответом на все эти выступления—audiatur et altera pars—послужила вышедшая в 1895 году книга Плеханова, до сих пор являющаяся классическим руководством по истории и теории диалектического материализма *). Ставшая вехой в развитии русской общественной мысли, книга Бельтова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" оказала на умы современников влияние совершенно исключительное. По свидетельству Лядова, молодежь сплошными рядами покидала народнические позиции и становилась под знамя марксизма. Бельтовым клялись, Бельтова читали

*) Вначале книгу предполагалось выпустить за-границей. Впоследствии, однако, было решено попытаться, издать ее легальным образом. Почин такого издания взял на себя А. Н. Потресов. В написанной по просьбе Д. Б Рязанова справке Потресов сообщает следующие подробности, касающиеся издания:

„В начале сентября (ст. ст.) 1894 г. я отправился из Петербурга за границу, чтобы убедить Плеханова начать пользоваться, наконец, орудием легальной печати, благо к этому времени уже успела выйти книжка П. Струве „Критические заметки" (в конце августа 1894 г.) и имя Маркса как-никак перестало быть запретным для цензуры и на него уже можно было ссылаться не только для того, чтобы поносить марксистов". . Получив его лондонский адрес, я двинулся к нему и, найдя его, был чрезвычайно обрадован тем, что не встретил никакого сопротивления своему предложению: печатать то, что он пишет, не в Женеве нелегально, а легально в Петербурге. Плеханов очень скоро освоился с этой мыслью и даже увлекся ею и предстоящей ему задачей пролезть сквозь „цензурное ухо". К моменту моего приезда в Лондон первые две главы книжки „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" были готовы и в этом же неизменном виде сданы были впоследствии в печать; это главы: „Французский материализм XVIII" и „Французские историки времен реставрации". За продолжение работы он сел при мне. Я поселился с ним в одной квартире. Он писал (третью, и если память мне не изменяет, часть четвертой главы), я переписывал, чтобы иметь при переезде через границу и при сношениях с типографией лишь мою собственную рукопись. В первой половине октября я вернулся в Петербург и тот час же сдал рукопись в типографию Скороходова... В продажу книжка поступила 29-го декабря и была распродана меньше, чем в три недели".

запоем в каждом гимназическом кружке.*) Бельтов стал властителем дум поколения, которое Шелгунов назвал „молодежью будущего". Книга Бельтова превратилась в „евангелие русской социал-демократии", как ее назвал один из тех минутных сторонников исторического материализма, которые впоследствии „ему изменили и продали шпагу свою", скатившись по пути „от марксизма к идеализму" в пропасть мистицизма и реакции.

Возникает вопрос, соответствовала ли ценность книги Плеханова той научной оценке, которую она встретила. К рассмотрению этого вопроса мы и перейдем.

Одним из наиболее ценных моментов в книге Плеханова является обоснование им правильного взгляда на сущность французского материализма XVIII века, в отношении которого до сих пор приходится сталкиваться с самыми запутанными представлениями. В девяностых же годах смешение диалектического материализма с французским, приписывание первому слабых сторон второго, отсутствие ясного представления о грани, отделяющей философские взгляды Маркса и Энгельса от учения Гольбаха и Гельвеция было делом обычным. Плеханов четко и определенно провел эту грань, установил действительное отношение, существующее между диалектическим материализмом и французским XVIII века, вскрыл противоречия и слабости последнего. Он показал, что материализм Маркса и Энгельса насквозь диалектичен в то время, как воззрения Гельвеция и Гольбаха пропитаны метафизикой, роднясь таким образом с метафизическим идеализмом, вместе с которым они признают неизменность субстанции. Установив те моменты, в которых диалектический материализм примыкает к французскому, являясь его продолжателем, Г. В. вместе с тем вскрыл роковые противоречия, в заколдованном кругу которых блуждала философская мысль Гельвеция, Гольбаха и их единомышленников, он обнаружил непоследовательность и логическую несостоятельность их системы, признававшей познаваемость свойств вещей и об'являвшей непознаваемой

*) См. М. Лядов. История РСДРП. ч. I.

сущность материи. А Деборин вполне прав, говоря, что Плеханов первый представил французский материализм в его истинном свете *).

Те же мысли, которые Плеханов бегло высказал касательно французского материализма в „Монистическом взгляде", он подробно развернул в вышедшей год спустя его работе „Beiträge zur Geschichte des Materialismus" **) Этой работе, самой замечательной из всех тех, которые до сего времени имеются в мировой литературе нашего предмета, мы обязаны современными марксистскими представлениями о том историческом месте, которое принадлежит французским материалистам XVIII века.

Вернемся, однако, к „Вопросу о развитии монист. взгляда", перейдя к следующим заслугам выступления Плеханова.

В семидесятых годах Н. К. Михайловский видел в историческом материализме „превосходно разработанный материал для решения общего вопроса об отношении форм к материальным условиям их существования. ***) Впоследствии, изменив свое отношение к философскому учению Маркса, Михайловский выступил одним из наиболее страстных противников исторического материализма, обесценивая в глазах читающей публики его научную ценность. Михайловский доказывал, что, „экономический материализм не есть всеоб'емлющая философская система, а только обломок ее, что самые основные теории экономического материализма..., остаются между собой несвязанными и фактически не проверенными"****).

Плеханов своим выступлением „по печатному водя" доказал необоснованность утверждения о несвязанности и непроверенности системы Маркса. „Положения исторического материализма не связаны между собой?", вопрошал Плеханов,— „стоит только прочесть предисловие к „Zur Kritik der politischen Oekonomie", чтобы видеть до

*) А Деборин. Введение в философию диалектического материализма (Стр. 223 Птг. 1916).

**) Вышла в 1896 году. Verlag Dietz. На русском языке появилась лишь в 1922 году—в двух переводах: один под редакцией Д. Б. Рязанова, другой—Б. Г. Столпнера.

***) Отечественные Записки. 1877.

****) Русское Богатство. 1894.

какой степени стройно и тесно связаны они между собой". Стоило, в самом деле, непосвященному читателю обратиться к тому знаменитому введению, на которое ссылался Плеханов, чтобы сразу установить наличность в нем тех самых обобщающих и неразрывно связанных между собой идей, которых тщетно искал у Маркса Михайловский.

Плеханов обнаружил ту жестокую ошибку, в которую впадают суб'ективисты, пытаясь разобщить экономические взгляды Маркса с его исторической теорией, признавая первые и отрицая вторую. „Этим сказано, что вы не понимаете ни исторической его теории, ни его экономических взглядов". Считая экономические взгляды Маркса неот'емлемым спутником исторического материализма, Плеханов неоднократно доказывал то положение, которое Маркс формулировал словами: „Экономические категории представляют собою лишь теоретические отвлеченные выражения общественных отношений производства" („Нищета философии"). Плеханов опровергал и обвинение в непроверенности принципов исторического материализма. „Они проверены с помощью анализа общественных явлений и в книге „18-ое Брюмера", и в „Капитале"...—решительно во всех главах от первой до последней".

Научная ценность и общественный смысл выступления Плеханова должны были выразиться в том, чтобы выбить противников исторического материализма из тех идеалистических и суб'ективистских позиций, на которых они закрепились.

Со свойственным ему полемическим задором Плеханов дал в своей книге образ титулярной советницы, которая думает, что весь смысл теории Дарвина сводится к тому возмутительному положению, что вот, дескать, она, почтенная чиновница, представляет собою не более, как наряженную в чепчик обезьяну. Плеханов ставил своей целью доказать, что „Маркс так же мало клевещет на „интеллигентов" как Дарвин—на титулярных советниц".

Следует признать, что при всей каррикатурности приведенного образа он в общем отражал отношение к историческому материализму некоторой части буржуазной и народнической публицистики. Последняя

давала лишнее доказательство словам Меринга о том, что современное буржуазное общество стоит в том же отношении к материализму, в каком оно раньше находилось к дарвинизму, рассматривавшемуся как „обезьянья теория". Отожествление материализма со шкурничеством было в девяностых годах ходячим упреком по адресу материалистов иногда не только в обывательской среде...

Указывая, что материалисты сообразуют свои идеалы с экономической действительностью, Плеханов разоблачает суб'ективистов, в силу своей склонности к метафизике, не понимающих двойственного, антагонистического характера всякой действительности. Материалисты опираются не на отживающую действительность, а на ту, которая приходит ей на смену—„действительность будущего, служить которому значит содействовать торжеству великого дела любви". Нельзя говорить о том, что материалисты не придают никакого значения идеалам. Если говорить в смысле „идеалов", заявлял Плеханов, теория Маркса есть самая идеалистическая теория, которая когда-либо существовала в истории человеческой мысли.

Противники исторического материализма считали (да и теперь, пожалуй, считают) ахиллесовой пятой этого учения его „однобокость", „односторонность"—то, что оно является всеоб'емлющей и потому „хромающей" теорией, утрирующей одни и затушевывающей другие элементы общественного развития. Корректируя эту мнимую односторонность исторического материализма, его противники занимали „нейтральное положение" между материализмом и идеализмом, доказывая, что „.....и психологическое, и экономическое направления истории одинаково верны, поскольку они... дополняют друг друга".*)

Плеханов взял на себя задачу доказать, что всякая попытка синтеза идеалистической и материалистической точек зрения приведет не к открытию „полной истины", которую искала суб'ективная социологическая школа, а к „нищенской похлебке эклектизма". Он установил в своей работе, что дуалисти-

*) Н. Кареев. Критика экономического материализма.

ческие системы, для которых дух и материя являются взаимно дополняющими субстанциями, не в состоянии дать сколько-нибудь удовлетворительного об'яснения исторического процесса. Поэтому он звал к об'яснению явлений помощью одного основного принципа—к монизму.

Для суб'ективно-социологической школы об'яснение общественного процесса духовным началом было тезисом, рассмотрение его с экономической точки зрения—антитезисом и потому она звала к третьему моменту, в котором „односторонности тезиса и антитезы найдут свое примирение". „Соблюдая нейтралитет" между душой и телом, суб'ективисты отыскивали синтез в примирении идеализма с материализмом.

Плеханов обнаружил, что „синтез" суб'ективистов ведет к дуализму чистейшей воды. „У него", говорит Плеханов о Карееве, „тут—экономия; там—психология; в одном кармане—душа; в другом—тело. Между этими субстанциями есть взаимодействие, но каждая из них ведет свое самостоятельное существование, происхождение которого покрыто мраком неизвестности".*) Дуализму социологической школы Плеханов противоставил монизм марксизма. Он указывал, что у Маркса психология и экономия являются двумя сторонами одного явления—борьбы за существование, в процессе которой происходит определенная общественная группировка, обусловливаемая состоянием производительных сил. Плеханов исчерпывающе раз'ясняет, как следует понимать primum agens исторического материализма—экономику. Вот что он говорит по этому поводу:

— Борьба за существование создает их (людей... —С. В.) экономию, на ее же почве вырастает и их психология... Экономия сама есть нечто производное, как и психология. И именно потому изменяется экономия всякого прогрессирующего общества: новое состояние производительных сил ведет за собою новую экономическую структуру, равно как и психологию, новый „дух времени"... Далекая от того, чтобы

*) К вопросу о развитии монист. взгляда. Изд. IV, стр. 149.

быть первичной причиной, она сама есть следствие, „функция" производительных сил.*)

Развитие общественного процесса Плеханов мыслит таким образом. На кривой линии исторического развития существуют точки великих переворотов; эти точки A, B, C, D и т. д. Когда экономическое развитие достигает точки A, торжествует один класс; когда оно доходит до точки B, класс, прежде господствовавший, вынужден уступить свое место новому классу, и т. д.—до тех пор пока общественное развитие не достигнет конечной точки S, на которой исчезнет самое деление общества на классы. Движение человечества от точки A до точки B, от точки B до точки C и т. д... вплоть до точки S никогда не совершается в плоскости одной экономики. Чтоб перейти от точки A до точки B и т. д. нужно каждый раз подняться в „надстройку" и совершить там некоторые переделки. Только совершив эти переделки, можно достигнуть желанной точки. Путь от одной точки поворота к другой лежит через „надстройку".**)

Плеханов неоднократно подчеркивает, что экономические отношения не являются застывшим метафизическим понятием. „Они вечно изменяются под влиянием той исторической среды, которая окружает данное общество". Выясняя законосообразность общественного процесса, Плеханов впоследствии (в „Основных вопросах марксизма") развернул формулу, выясняющую взаимодействие между производительными силами и общественной экономией, вместе с тем взаимодействие между экономической «основой» и идеологической «надстройкой». Опровергая обвинение исторического материализма в фетишизировании им экономического фактора и игнорировании всех остальных факторов общественного развития, Плеханов развертывает следующую пятичленную формулу отношения «основания» к «надстройке».

1. Состояние производительных сил.
2. Обусловленные ими экономические отношения.

*) К вопросу о развитии. Изд. IV. Стр. 149.
**) См. открытое письмо к В. А. Гольцеву. „За двадцать лет" Изд. 3-ье СПБ. 1908, стр. 440.

3. Социально - политический строй, выросший на данной экономической основе.

4. Определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека.

5. Различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики.*)

Плеханов вполне прав, говоря, что приведенная формула и достаточно широка, чтобы вместить в себе все формы общественного развития, и в то же время насквозь пропитана материалистическим монизмом.

Туманному, почти метафизическому понятию взаимодействия «души» и «тела», Плеханов противоставил ясную и определенную формулу, находившуюся в строгом соответствии со взглядами Маркса, всегда признававшего в общественном процессе действие «духа», как силы в конечном счете направляемой экономикой. Обоснование и популяризация этой формулы явились делом сугубой важности; надо помнить, что в то время «узость» и „односторонность" диалектического материализма были излюбленной мишенью для его критиков. Своим выступлением Плеханов обесценил все те „примирительные"—эклектические теории, которые признавали самостоятельность многочисленных элементов общественного развития, мыслимых находящимися во взаимодействии.

До конца последовательный монист, Плеханов во всякой научной системе прежде всего ценил ее логическую последовательность, ее монистическую выдержанность. Яснее всего это сказалось на его отношении к гегелевой философии, которую Плеханов ценил исключительно высоко главным образом потому, что она учит нас последовательному мышлению; он считал, что «кто с любовью и вниманием пройдет ее суровую школу, тот навсегда получит спасительное отвращение от эклектического винегрета».**)

Если «односторонность» была одним из ходячих упреков, направлявшихся против диалектического материализма, то другим из них был «фатализм». По какой-то злой иронии самому действенному из философских учений ставилось в вину, что оно влечет за собой гражданский индифферентизм и квиетизм. Плеханов блестяще выяснил, как противники диалектического материализма приписывают ему свойства материализма метафизического, которому, действительно, присущ фаталистический характер. Материализм диалектический—не философия фатализма и пассивности, а философия действия и активности. Плеханов установил всю несостоятельность обвинения диалектического материализма в том, что он признает слепое подчинение необходимости. Диалектический материализм дает в руки угнетенных классов рычаг в борьбе с экономической действительностью. Никакое изменение в общественных отношениях немыслимо без участия масс. Необходимость участия масс в историческом процессе обусловливает влияние на них более развитых и более нравственных личностей. «Таким образом открывается широкий простор для плодотворной деятельности отдельных личностей, и если между этими личностями нашлись бы такие, которые превратились бы в Обломовых под влиянием экономического материализма, то в этом надо было бы винить не экономический материализм, а именно эти личности».*)

«Уничтожающее презрение и холодная жестокость», с которой, по мнению Михайловского, материализм относится к личности, были опровергнуты Плехановым. Диалектический материализм отнюдь не требует слепого подчинения железному экономическому закону. Он старается познать этот закон и, познав его, сделать необходимость послушной рабой разума.

«Я—червь, говорит идеалист. Я—червь, пока невежественен, возражает материалист—диалектик, но я—бог, когда я знаю. Tantum possumus, quantum scimus».**)

Человеческий разум не творит истории; он сам является ее продуктом. Но раз явившись, как следствие исторического процесса, он старается преобра-

*) Основные вопросы марксизма. С.П.Б. 1917 г., стр. 96.
**) К шестидесятой годовщине смерти Гегеля. Критика наших критиков. СПБ 1906, стр. 209.

*) Из открытого письма к В. А. Гольцеву. За двадцать лет. Изд. 3-е. СПБ. 1908, стр. 438.
**) К вопросу о развитии изд. IV, стр. 201.

зовать жизнь, т. е. направить течение истории по тому руслу, которое считает более желательным.

Развитие разума общественного человека можно об'яснить, с точки зрения исторического материализма, лишь посредством законосообразной деятельности людей в общественно-производительном процессе, т. е. действия. К действию же сводится вся практическая философия диалектического материализма. „Диалектический материализм есть философия действия“,—провозгласил Плеханов своей книгой. Призывая, сторонников диалектического материализма к действию, заявляя, что „не следует оставлять светильника в тесном кабинете интеллигенции“, Плеханов говорил:

— Пока существуют „герои“, воображающие, что им достаточно просветить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нее, как из глины, все, что им вздумается, царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнет приближаться к нам семимильными шагами лишь тогда, когда сама „толпа“ станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой „толпе“ разовьется соответствующее этому самосознание. *)

„Надо разбудить в толпе героическое самосознание“,—провозгласила книга Бельтова в эпоху жалкого крохоборчества и хмурых чеховских человечков. Она выявила в новом, революционном свете все основные моменты диалектического материализма, показала, что последний, говоря словами Франца Меринга, не пассивная игрушка мертвого механизма, а живая действенная сила, призванная преобразовать мир.

Предрассудки о „механичности“ и „квиетизме“ исторического материализма были опровергнуты Плехановым с такой же последовательностью и неуязвимостью, как, раньше мнения о его „узости“ и „односторонности“.

Эта крупная заслуга Плеханова станет еще более рельефной, если сравнить его выступление с другим, почти одновременным, в защиту исторического мате-

*) К вопросу о развитии. Изд. IV., Стр. 230.

риализма—П. Б. Струве. *) В книге Плеханова выступили во весь свои рост те моменты активности и действенности диалектического материализма, которые были затушеваны в „Критических записках“ Струве. Если в струвевских „Записках“ можно было заметить зародыши будущего ревизионизма их автора, то в плехановском „К вопросу о развитии“ чувствовалось величие духовного наследства Маркса—Энгельса.

Вполне понятно, что выступление Плеханова, действовавшего согласно своему любимому полемическому правилу—„От обороны к нападению“, вызвало целую кампанию со стороны противников диалектического материализма, пытавшихся обеспечить научную и общественную ценность этого выступления.

Следует признать, что во всех выступлениях оппонентов Плеханова, последовавших в течение 1895 г. и продолжавшихся много лет подряд, не было ни одного довода против диалектического материализма, который не приводился бы ими раньше или не был заимствован у западно-европейских критиков марксизма. Выступая против „догматического увлечения“ Плеханова диалектическим материализмом, его противники подымались на „высоты об'ективной истины“, с которых и старались изобличить Плеханова в той или иной ошибке, неправильной цитате, логическом промахе, противоречии Марксу. Однако, ни одно из этих выступлений, а их было множество, не в состоянии было опровергнуть того генезиса диалектического материализма, который дал Плеханов, поколебать той аргументации, которая была им развернута.

Один из главных оппонентов Плеханова Н. Н. Кареев признал относительно выступления другого из них—Н. К. Михайловского, что оно „дает очень много материала для критики книги г. Бельтова, его научных и полемических приемов, но очень мало касается самых основ экономического материализма“. Эти слова можно было применить ко всем почти выступлениям, последовавшим в ответ на книгу Плеханова, в том числе и к выступлениям профессора Кареева. Они все „очень

*) Петр Струве. Критические заметки. 1894.

мало“ касались тех основ марксова материализма, которые защищал Плеханов, и еще меньше эти основы поколебали. Кареев был прав, заявив в той же статье, что он не думает, „чтобы вся эта критика экономического материализма могла в скором времени положить конец догматическому увлечению этой идеологическою концепциею“...

Под‘итоживая значение выступления Плеханова, мы отмечаем следующие моменты, в которых выявилась ценность „К вопросу о развитии монистического взгляда“:

1. Генезис идей диалектического материализма.
2. Отмежевание диалектического материализма от диалектического идеализма и метафизического материализма; вскрытие слабых сторон последнего.
3. Обоснование того положения, что диалектический материализм—не обломок левого гегельянства, а цельная научная теория.
4. Опровержение „односторонности“ диалектического материализма.
5. Подход к диалектическому материализму, как—философии действия.
6. Формула практического применения принципов диалектического материализма к русской действительности.
7. Демонстрация диалектического материализма, как универсального метода исследования общественных явлений.

II.

Борьба с Михайловским, Кареевым и всей суб‘ективно-социологической школой была для Плеханова борьбой с людьми с „другого берега“—мыслителями идеалистического, в корне враждебного марксизму, мироозерцания. Иной характер носила его борьба с теми „услужливыми друзьями“ марксизма, которые, на словах „дополняя“, „очищая“ и „поверяя“ диалектический материализм, его в действительности укорачивали, засоряли и искажали.

В этом отношении Плеханову раньше всего пришлось столкнуться с Эдуардом Бернштейном, „ревизовавшим“ не только практику марксизма, но и его философию.

Монизм, который является для Плеханова основным коэффициентом материалистического миросозерцания, Бернштейном оспаривался. Он выступал против самого термина „монистический“. „Почему не прямо „простоватый“ (simplistisch)“?, недоуменно спрашивал Бернштейн. Однако, расхождение было не только в терминологии, вернее оно было вовсе не в ней—корни были гораздо глубже и касались самых основ материалистического миросозерцания. Чистый или абсолютный материализм,—утверждал Бернштейн,—точно так же спиритуалистичен, как и чистый или абсолютный идеализм. Оба просто предполагают, хотя и с различных точек зрения, что мышление и бытие идентичны. Для Бернштейна неприемлем тот „детерминизм“ исторического материализма, при котором „материалист—тот же кальвинист, только без бога“. Бернштейн берет под свою высокую руку эклектизм, ибо„ эклектический дух“ есть возмущение здравого смысла против свойственного всякой доктрине стремления подгонять мысль под один шаблон. „Расширяя“ теорию исторического материализма и восставая против „приписываемого ей“ монизма, Бернштейн провозглашал, что „социал-демократии нужен новый Кант, который доказал бы, что презрение к идеалу, признание материальных факторов всемогущими силами развития есть самообман, всегда на деле признававшийся и признаваемый таковым теми, кто его проповедует“ *).

Плеханов был первым из марксистов, давших оценку выступлениям Бернштейна, как эклектическому соединению научного социализма с учением буржуазных идеологов. Г. В. опроверг ту мнимую идентичность бытия и мышления в материализме, которая позволяла Бернштейну отожествлять материализм с идеализмом, и утверждал, что признание этой идентичности возможно только в идеализме. Он установил, что Бернштейн и другие критики марксизма, его „углубляющие“ и „дополняющие“ в сущности бьют Марксу челом его же

*) Эд. Бернштейн. Исторический материализм. Перевод. Л. Канцель. Изд. II СПБ. 1901 Стр. 330.

добром и в своей невероятной наивности даже и не подозревают, что „Маркс", которого они „критикуют" не имеет ничего общего, кроме имени, с настоящим Марксом, будучи создан их собственным и поистине разносторонним непониманием предмета *).

Искажение, о котором говорил Плеханов, заключалось преимущественно в приписывании марксизму „автоматического" понимания исторического действия экономики, которым марксизм никогда не грешил и против которого неоднократно высказывались сами основоположники диалектического материализма. От лиц, „автоматически" понимавших его учение, как известно, Маркс открещивался, говоря „Je ne suis pas marxiste"...

„Критикуя критиков Маркса", Г. В. доказал всю нелепость обвинения марксизма в автоматическом понимании исторического процесса. Он установил, что обвинение в автоматичности есть попытка обезценить марксизм со стороны тех, которые мечтают о замене „конечной цели" социальной реформой. Каждое выступление Плеханова было лучшим доказательством того, что марксизм отнюдь не „автоматически" воспринимает процесс общественного развития.

Плеханов дерзнул выступить против Бернштейна уже в 1898 году—во время Штуттгартского партейтага, т. е. когда Бернштейн был одним из наиболее авторитетных идеологов германской социал-демократии. В статье „Wofür sollen wir ihm dankbar sein", напечатанной в „Sachsische Arbeiter Zeitug", Плеханов уже тогда заклеймил затеянную Бернштейном „ревизию" как отступничество от марксизма и поставил вопрос ребром: или марксизм похоронит Бернштейна или Бернштейн похоронит марксизм. Такая постановка вопроса была признана недопустимой даже радикально настроенными представителями германской социал-демократии.

Прогноз Плеханова, однако, блестяще оправдался последующими выступлениями Бернштейна и уже в конце 1901 г. Г. В. имел возможность начать свою статью „Духовное завещание г. Бернштейна" словами:

*) Основные вопросы марксизма. Изд. 1917 г. Стр. 76.

„Г. Бернштейн умер для школы Маркса, к которой он когда-то принадлежал" *).

С той же беспощадностью отнесся Г. В. не только к тем марксистам, которые звали „назад к Канту", но также и к тем, которые выступили с попытками „нового обоснования" марксизма, противоставляя диалектическому материализму критический реализм, окрашенный в эмпириокритические, эмпириосимволические, эмпириомонистические и всякие иные тона. Все эти выступления, которые велись в значительной части своей под флагом „очищения марксовой философии от засорения ее плехановской школой", в действительности являлись ничем иным, как антиматериалистической философской ревизией марксизма. Борьбе с этой ревизией, как мы уже сказали, Плеханов отдался с той же последовательностью, как раньше борьбе с бернштейнианством, ибо считал, что и то и другое „бьет марксизм по лицу". „Идейная неясность", писал Плеханов в 1907 г., „особенно вредна у нас в настоящее время, когда под влиянием реакции и под предлогом пересмотра теоретических ценностей, идеализм всех цветов и оттенков справляет в нашей литературе настоящие оргии, и когда некоторые идеалисты... об'являют свои взгляды марсизмом самоновейшего образца". **) Этим и об'ясняется та страстность, которая проявилась в полемике Плеханова с эмпириокритиками.

Центральной мишенью критики Богданова, Базарова, Юшкевича, Валентинова и других марксистов, поднявших по чьему-то язвительному замечанию „бунт на коленях" против марксизма, была плехановская „вещь в себе". Определяя опыт, как „наши собственные ощущения и образы предметов, выростающие на их основе" (Примечания к „Людвигу Фейербаху" Энгельса), Плеханов устанавливал, что материей называется то, что „действуя на наши органы чувств, вызывает в нас

*) Точно также жизнь оправдала одновременный прогноз П-ва в отношении другого из критиков марксовой теории—П. Б. Струве. В 1901 г Г. В. предсказывал Струве, что „неомарксизм" доведет его до роли теоретика мелкой буржуазии и идеолога либерализма. Как известно, Струве докатился до ступеней, еще гораздо более далеких.

**) Примечания к „Людвигу Фейербаху" Энгельса. Стр. 109

те или другие ощущения". То, что вызывает в нас ощущения, Плеханов определяет кантовским термином „вещи в себе", совокупность „вещей в себе" и есть материя. Критики Плеханова считали, что „вещью в себе" он воскрешает кантианство и рвет с марксизмом, для основоположников которого не было, дескать, никаких „вещей в себе", т. е. вещей вне наших ощущений и представлений.

Материалисты, по словам Плеханова, никогда не утверждали, что они знают каковы вещи сами по себе—независимо от их действия на нас, а только считают, что вещи известны нам именно потому, что они действуют на наши органы чувств и именно в той мере в какой они на них действуют.*) Что же касается кантианства, отрицающего применение категории причинности к „вещам в себе", то оно непосредственно приводит к суб'ективному идеализму, ибо „если вещь сама по себе не действует на нас, то мы ничего не знаем об ее существовании и самое представление о ней должно быть об'явлено ненужным т. е. лишним в нашей философии". **) Естественный результат такого подхода к вещам—солипсизм—признание других людей существующими лишь в нашем воображении.

Так как Плеханов указывал, что материя как отправной пункт опыта не может быть философски исчерпывающе определена, то его оппоненты выдавали на этом основании материи testemonium paupertatis, утверждая, что „понятие настолько неопределенное и неопределимое не может быть основою какого-бы то ни было философского мировоззрения. ***) Г. В. установил, что понятию „материя" или понятию „дух" нельзя дать никакого испчерпывающего философского определения—нужно лишь взять какое-либо из этих понятий первичным фактом. ****) Обвинять материалистов в том, что,

*) Ididem.

**) Примечания к «Людвигу Фейербаху». Стр. 109.

***) А. Богданов. Приключения одной философской школы. С. П. Б. 1908. Стр. 10.

****) О том же очень ясно высказалась в свое время Л. И. Аксельрод (Ортодокс). «Раз материя первоначальный факт», говорила она, «то естественно ее нельзя определить другой причиной, лежащей вне ее самой». См. ее статью «Двойственная истина в современной немецкой философии» (Философские очерки. С. П. Б. 1906).

говоря о вещах в себе—вещах вне нашего сознания, они впадают в метафизику, значит изобличать самого себя в отрицании соответствующей нашим ощущениям об'ективной реальности. Отрицать же последнюю, значит признавать первичность духовного по отношению к физическому,—сознания по отношению к бытию, т. е. превращаться в идеалистов. Плеханов таким образом поставил с головы на ноги тот гносеологический вопрос, который выдвинули, как главное оружие против него, эмпириокритики и которому они придали постановку, обозначавшую поворот от материализма к идеализму.

Плеханов установил, что для идеалиста без суб'екта нет об'екта. В противоположность ему для материалиста об'ект существует вне зависимости от суб'екта. Определяя опыт, как результат взаимодействия между суб'ектом и об'ектом, Г. В. утверждал, что об'ект не перестает существовать и тогда, когда суб'екта еще нет и когда уже прекратилось его существование. Те, которые утверждают, что без суб'екта нет об'екта, просто-на просто смешивают одно с другим два совершенно различных понятия: существование об'екта „в себе" и его существование в представлении суб'екта.*)

Мы уже говорили о тех нападках, которым подвергся Плеханов со стороны эмпириокритиков и других махистов, заявлявших, что он предпринял „злосчастную попытку помирить Энгельса с Кантом при помощи компромиссной, чуть-чуть познаваемой вещи в себе".**) В. И. Ленин, проведя грань между кантовской непознаваемой вещью в себе и познаваемой вещью в себе Плеханова, доказал ценность обвинения Плеханова в кантианстве. Философия Канта, по своему существу,—компромисс между материализмом и идеализмом, ее поэтому критикуют и материалисты и идеалисты—понятно с полярно противоположных точек зрения. В лице Плеханова эмпириокритики столкнулись с представителем материалистов, „отвергающих в системе Канта самомалейшие элементы агностицизма и идеализма, доказывающих, что вещь в себе об'ективно реальна, вполне познаваема, потустороння, ничем принципиально

*) От обороны к нападению. Ответ г. А. Богданову. Письмо второе. Стр. 39.

**) Очерки по философии марксизма. 1908. Стр 67.

не отличается от явления".. *) „Караул", закричали они—это незаконное смешение материализма с кантианством. Ленин выясняет всю ту разницу, которая имеется между критикой Канта, Плехановым и той же критикой со стороны эмпиримонистов, „Махисты критикуют Канта за то, что он черезчур материалист, а мы его критикуем за то, что он недостаточно материалист. Махисты критикуют Канта справа, а мы—слева.**)

В своем споре с кантианцами Плеханов доказывал, что кантовская вещь в себе обладает признаками материальности, но в то же время недоступна нашему чувству. Плеханов вскрыл таившееся в такой постановке вопроса роковое противоречие: признавая материальность вещей в себе, мы считаем, что они являются источником наших ощущений; в то же время, признавая их недоступными нашим чувствам, мы должны притти к заключению об их нематериальности... Кантовской непознаваемой вещи в себе Плеханов противоставил вещь в себе—познаваемую:

— Никакого другого знания предмета, кроме знания его через посредство тех впечатлений, какие он на нас производит, нет и быть не может. Поэтому, если я признаю, что материя нам известна только через посредство ощущений, ею в нас вызываемых, то это вовсе не значит, что я об'являю материю чем-то „неизвестным" и непознаваемым. Напротив, это значит, что она, во-первых, познаваема, а во-вторых, познана человечеством в той самой мере, в какой ему удалось ознакомиться с ее свойствами, благодаря впечатлениям, полученным им от нее в длинном процессе своего зоологического и исторического существования.***)

Мнение Канта о непознаваемости вещей в себе Плеханов разбивал логикой самого кантова учения.

Исходя из определения Кантом явления как состояния нашего сознания, вызываемого действием на нас вещей самих по себе, Г. В. указывал, что предусмотреть данное явление, значит предусмотреть то действие, которое окажет на наше сознание вещь сама по себе. Наука доказывает, что некоторые явления мы можем предусматривать—это значит, что мы в состоянии предусматривать действия, которые будут произведены на нас вещами самими по себе. „Если же мы предусматриваем некоторые действия на нас вещей самих по себе, то это значит, что нам известны некоторые их свойства. А если нам известны некоторые свойства вещей самих по себе, то мы не имеем права называть эти вещи непознаваемыми".

Плеханов не только никогда не пытался об'единить марксизм с кантианством, но всегда являлся одним из наиболее последовательных противников такого противоестественного об'единения. Подчеркивая дуалистический характер кантианства, разрывающего связь между бытием и мышлением, Г. В. со времени своей полемики с Конрадом Шмидтом неустанно доказывал, что „в борьбе с материализмом главной твердыней являются всевозможные разновидности кантианства" что „незаконное сожительство Маркса с философией Канта должно представляться чем-то чудовищным".

После вещи в себе другим основным моментом в критике, которой подвергался Плеханов со стороны махистов, было понятие об'ективной истины „в бельтовском смысле".

Изображая процесс изменения общественных отношений и соответственного видоизменения научных теорий, Г. В. говорил: „В результате этих изменений является, наконец, всестороннее рассмотрение действительности, следовательно, и об'ективная истина... ...И это знание есть уже об'ективная истина, и никакой „рок" не сдвинет уже нас с этой открытой, наконец, правильной точки зрения".*) Эмпириомонисты усматривали в словах Плеханова противоречие постоянному развитию науки с ее никогда не останавливающимися завоеваниями. „И это говорится когда же?"—спрашивал А. А. Богданов по поводу слов Плеханова. „В эпоху великой и поистине беспримерной революции в мире научного познания, когда колеблются и падают научные законы, казавшиеся самыми незыблемыми и универсальными, уступая ме-

*) Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, Изд. II. М. 1920. Стр. 199.

**) Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Стр. 199.

***) От обороны к нападению. Стр. 41 (Ответ г. А. Богданову. Письмо второе).

*) Примечания к „Людвигу Фейербаху" Энгельса. Стр. 117.

сто поражающе-новым формам, открывая неожиданные и неизмеримые перспективы". *) Этот вопрос был вполне естественным в устах автора „Эмпириомонизма", постулировавшего, что „марксизм заключает в себе отрицание безусловной обективности какой бы то ни было истины, отрицание всяких вечных истин". Не подлежит сомнению, что в этих словах, равно как и в приведенном выше вопросе Богданова, сказалось недопустимое смешение понятий об'ективности какой-либо истины и ее неизменности—вечности. Это чреватое последствиями смешение было рельефно выявлено Лениным в „Материализме и эмпириокритицизме", где он резко разграничил два вопроса: 1) существует ли об'ективная истина, т.-е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от суб'екта? 2) Если да, то могут ли представление выражающее об'ективную истину выражать ее сразу абсолютно или же только приблизительно, относительно?

Эмпириомонисты категорически отрицают существование об'ективной истины. Истина ими рассматривается как определенная идеологическая форма, как „организующая форма человеческого опыта". **) Отрицая существование „критерия об'ективной истины в бельтовском смысле", эмпириомонисты признают невозможным существование об'ективной истины вообще. Плеханов установил, что, отыскивая основу об'ективности в сфере коллективного опыта и определяя физический мир как социально-организованный опыт, эмпириомонисты превращаются в чистокровных идеалистов.

Что касается „статики" и „догматики", которые по мнению эмпириокритиков проявились в „бельтовской" об'ективной истине, то следует признать, что эти грехи ни в малой степени не тяготели над Плехановым. Если Г. В. утверждал, что „никакой рок не в силах отнять теперь у нас ни открытий Коперника, ни открытия превращения энергии, ни открытия изменяемости видов, ни гениальных открытий Маркса", то он отлично понимал, что эти слова дадут возможность бросать ему обвинения и в „статике" и в „догматике":

*) А. Богданов. Приключения одной философской школы. С. П. Б. 1908 г. Стр. 24.

**) А. Богданов. Эмпириомонизм. Кн. III Стр. IX.

—Но ведь не остановится же человеческая мысль на том, что вы называете открытием или открытиями Маркса? Конечно нет, господа! Она будет делать новые открытия, которые будут дополнять и подтверждать эту теорию Маркса, как новые открытия в астрономии дополняли и подтверждали открытие Коперника.*)

Эти слова Плеханова находились в полном соответствии с рассуждениями Энгельса касательно абсолютной и относительной истины, представляющими, как известно, абсолютную истину, как сумму истин относительных.

Анализируя теорию об'ективности, данную эмпириомонистами и обнаруживая всю ее несостоятельность, Плеханов с особенным вниманием остановился на отрицании махистами об'ективной реальности пространства и времени. Он установил, что рассматривая пространство и время, как формы человеческого созерцания или, говоря языком Богданова, как „формы социального согласования опыта различных людей", эмпириомонисты повторяли известную раскрытую Энгельсом ошибку Дюринга, для которого пространство и время существовали лишь потому, что их мыслят живые существа. Подчеркивая, что эмпириомонисты отказываются признать бытие времени, независимого от чьего бы то ни было мышления, Г. В., обращаясь к Богданову, говорил: „Бытие вне времени представляет собой такой же великий абсурд, как и бытие вне пространства. Вы наклеили оба эти абсурда на философию Маха".**) Плеханову пришлось выполнить по отношению к махистам ту же миссию, которую Энгельс выполнил по отношению к Дюрингу, когда об'яснял ему: „Основные формы всякого бытия суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства". („Анти-Дюринг".)

Следует признать, что эту миссию Плеханов выполнил с исчерпывающей полнотой и последовательностью, выявив все слабые места теории эмпириокритиков и эмпириомонистов в этом отношении.

*) К вопросу о развитии... Стр. 176.

**) От обороны к нападению. Стр. 84. Ответ А. Богданову Письмо третье.

Одной из твердынь русского эмпириомонизма является, как известно, богдановская теория „подстановки". Считая, что „старая (марксова—С. В.) формулировка исторического монизма, не переставая быть верною в своей основе, уже не вполне нас удовлетворяет"*), Богданов пытался исправить ее своей теорией „подстановки".

Теория „подстановки" исходит из основной предпосылки эмпириомонизма—раздвоения опыта на „психический" и „физический"—зависящий от индивидуума и зависящий от коллектива. Основываясь на этой предпосылке, эмпириомонисты ставят себе задачу построения опыта вне обоих указанных зависимостей. „Подставляя" под чужие „высказывания" свой индивидуальный опыт, эмпириомонисты рисуют мировой процесс, как мир „элементов", образующих бесконечную цепь комплексов самых различных ступеней организованности. „Все эти комплексы действуют друг на друга, взаимно разрушая друг друга „в борьбе", взаимно связываясь в процессе образования больших и выше организованных систем, взаимно отражаясь одно в других. „Явления психические"—это отражения самых различных комплексов в таком из них, который обозначается как „человеческий индивидуум"; „явления физические"—в таком, который называется „коллективный суб'ект".**)

Плеханов установил, что „теория подстановки", являющаяся одним из китов эмпириомонизма, представляет собою определенно выраженный махистский идеализм, при котором физическое „подставляется" под психическое. Он указал, что „функциональная зависимость" эмпириомонистов ничем не отличается от „предустановленной гармонии", от которой они так усердно открещивались, что теорией „подстановки" разрывается естественная связь явлений.

Подвергнув беспощадной критике учение эмпириокритиков и эмпириомонистов, обнаружив, что оно является плотью от плоти махистской философии, Плеханов обратил острие своей критики против самого Маха.

*) А. Богданов. Развитие жизни в природе и обществе Стр. 37.
**) А. Богданов. Приключения одной философской школы. С. П. Б. 1908 г. Стр. 52.

Об'явив весь мир одним комплексом связанных между собой ощущений, Мах полагал, что он тем самым разрешил антиномию суб'екта и об'екта, „Я" и „не Я". Взяв за основу кантовский трансцедентальный идеализм, Мах в то же время боролся с кантовской непознаваемой вещью в себе. Поэтому его учение—шаг вперед по отношению к идеализму Канта, но шаг назад по отношению к материализму Маркса. „Мах, хотя и совершенно бессознательно", говорит Плеханов, „постоянно вынуждается переходить на материалистическую точку зрения. И каждый раз, когда он переходит на нее, он попадает в логическое противоречие с идеалистической основой своей собственной „философии".*)

Исчерпывающе выяснив природу рокового раздвоения Маха—его дуализма, Г. В. приходит к заключению, что „махизм есть лишь берклеизм, чуть-чуть переделанный и заново перекрашенный под цвет „естествознания XX века". **) В этих словах был приговор тем „махообразным" марксистам, которые пытаются подвести под здание научного социализма фундамент имманетной философии; приговор тому философскому ревизионизму, который опираясь на „новейший позитивизм", приходит к старейшему идеализму.

Под'итоживая значение борьбы Плеханова с махизмом в его всяческих выявлениях и всевозможных вариациях, следует признать, что эта борьба представляет собой факт столь же крупной общественно-научной ценности, как и его полемика с суб'ективно-социологической школой и критика бернштейнианства. В этой борьбе Плеханов неизменно оставался верным продолжателем Марксова дела и носителем философии рабочего класса. Он выявил истинную ценность всех выступлений эмпириокритиков против „бельтовской школы" против „плехановской вещи к себе". Касаясь этих выступлений, А. Деборин в свое время писал: „Как бы согласно особому уговору все критики материализма с

*) От обороны к нападению. Стр. 55.
**) Ibid Стр. 67. Считаю долгом указать здесь, что мысль о том, что аргументация „махистов" против материализма заимствована у Берклея, была впервые высказана Л. И. Аксельрод (Ортодокс) в ее „Философских очерках" (1906).

некоторых пор тянут одну и ту же песнь с одним и тем же монотонным припевом: одно дело материализм Марксаи Энгельса, другое дело материализм Плеханова—Бельтова. Материализм Маркса и Энгельса эмпиричен и реалистичен; материализм Плеханова—Бельтова метафизичен и идеалистичен."*) То же чрезвычайно характерное обстоятельство отметил и В. И. Ленин. „Махисты, желающие быть марксистами дипломатично оставили в стороне Энгельса, совершенно игнорировали Фейербаха и топтались исключительно кругом да около Плеханова". **) Г. В. заклеймил это „топтание" не только как неудачную, но и как немужественную философию.

Безупречные логические построения Плеханова заставляли разлетаться во все стороны карточные домики эмпириокритических концепций. Его трезвый и глубокий анализ вскрывал всю реакционность теорий, которые под оболочкой позитивизма и новейшего естествознания таили в себе ядро идеализма и фидеизма. Его беспощадная убийственная чисто герценовская ирония вырывала всякую почву из под ног адептов трусливого идеализма.

Обороняясь от своих противников—махообразных марксистов и марксообразных махистов. Плеханов в свою очередь атаковал их; защищаясь от махизма, нападал на него. Свой переход от обороны к нападению Г. В. сопровождал той страстностью, которая составляет одну из самых характерных черт Плеханова. Эта страстность дала повод некоторым видным теоретикам марксизма, в том числе и Каутскому, упрекнуть Плеханова в излишней горячности и ненужном обострении спора. Г. В. однако считал „горячность" необходимым условием борьбы с философским ревизионизмом, ибо он был убежден в том, что теоретическая буржуазная реакция, производившая в то время опустошение в рядах передовой интеллигенции России, совершалась под знаменем философского идеализма. Борьбу с теми философскими учениями, которые способствуют такому опустошению, Плеханов считал обязательным вести с последовательной суро-

*) А. Деборин. Введение в философию диалектического материализма Птг. 1916 Стр. 343.

**) Вл. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм М. 1920. Изд. 2-ое. Птг. 93.

востью. В этом огромная и ценная заслуга Плеханова. Он первым из марксистов провозгласил, что за ширмой гносеологической схоластики эмпириокритиков таятся классовые тенденции. Здесь следует отметить, что, осуществляя свое теоретическое размежевание с махистами в эпоху царившей в России безраздельной реакции, Г. В. поставил прогноз, в правильности которого последовательные марксисты должны были убедиться в переживаемую эпоху Великой Революции. Так напр., В. И. Невский в результате своих практических наблюдений над тем, как выковывается мысль рабочего класса в наше время, заявил, что идеи эмпириокритиков, с которыми столь страстно боролся Плеханов, представляют собою не „философию живого опыта", а „философию мертвой реакции". К этому положению и сводил всю свою полемику с махистами Г. В., сразу понявший погубные результаты той философской путаницы, которая наступила в результате того, что „в революционные головы попало реакционное содержание".

Особое место в „обороне" Плехановым диалектического материализма от многочисленных попыток „поверить", „дополнить", „исправить" теорию Маркса занимает отношение Г. В. к философии Иосифа Дицгена.

Как известно, учение германского философа-самоучки, самостоятельно пришедшего к открытию основных принципов диалектического материализма, дало повод некоторым из его последователей провозгласить дицгенизм высшей „универсальной натур-монистической" фазой диалектики. Плеханов выступил против такого чрезмерного увлечения философией Дицгена, заявив, что философские воззрения Маркса и Энгельса „не могут быть д о п о л н е н ы, а могут быть, пожалуй, п о п у л я р и з о в а н ы с помощью учения Дицгена"*). Плеханов считал, что у Дицгена нельзя обнаружить ни одного основного положения, которого бы не формулировали—более научно и более ясно—Маркс и Энгельс.

Центральный пункт гносеологии Дицгена—положение о том, что „мировое единство сплошь многообразно и все многообразие составляет одно монистиче-

*) Основные вопросы марксизма СПБ 1917 г. стр. 5.

ское целое"*), об'является Плехановым повторением мысли, составляющей основу всякой диалектики и исчерпывающе формулированной творцами научного социализма. Анализируя характер выступлений Дицгена, направленных против спекулятивной философии, рассматривающей дух вне мира и над миром, Плеханов считает, что Дицген с этой задачей не справился. В том ответе, который Дицген давал на вопрос об отношении суб'екта к об'екту, Плеханов усматривал логическое грехопадение. Положение Дицгена о том, что бытие производит мышление, которое, однако, является частью бытия, по мнению Плеханова, „привлекает к И. Дицгену людей, находящихся под влиянием современного идеализма и во что бы то ни стало желающих приставить идеалистическую голову к историческому материализму"**).

III.

Борьбу за диалектический материализм Плеханов вел главным образом на социологической и философской арене, но есть еще одна область, в которой Г. В. пришлось не раз скрестить оружие критики с противниками марксизма. Эта область—экономия.

Мы указывали уже выше, что приобщение Плеханова к марксизму произошло раньше всего, так сказать, по экономической линии. Тогда, когда Плеханов не был еще марксистом, он был уже экономическим материалистом, и экономические отношения являлись для него «коренной» причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов». Впоследствии—марксистом—Плеханов подчеркивал, что экономическая теория Маркса является неот'емлемой и основной частью того цельного миросозерцания, имя которому м а р к с и з м. Он весьма иронически относился к тем эклектикам, которые пытались оторвать экономическую сторону марксова ученья от какой-либо другой. Обращаясь к русским суб'ективистам, разобщавшим экономические и исторические взгляды Маркса, Плеханов говорил: «этим

*) А. Дицген, Завоевания (Аквизит) философии и письма о логике СПБ 1906, стр. 47.

**) От обороны к нападению, стр. 177. Иосиф Дицген.

сказано, что вы не понимаете ни исторической его теории, ни его экономических взглядов"...

Эта борьба, которую Плеханов много лет упорно и настойчиво вел с народниками, показала, что основоположник русского марксизма умел не только платить дань теоретического внимания тому, что его противники называли «экономической струной», но, что он умел этой «струной» и достаточно хорошо пользоваться.

Вся та серия антинароднических работ, которая была выпущена Плехановым в восьмидесятых и девяностых годах и которая обессмертила его имя для истории социализма, обнаружила в Плеханове человека тонкого экономического чутья, внимательного исследователя русской хозяйственной жизни и знатока экономического быта России. Основной факт, которым аргументирует автор „Социализма и политической борьбы", „Наших разногласий", „Обоснования народничества в трудах г-на В. В."—факт э к о н о м и ч е с к и й. Плеханов побивает своих противников статистической сводкой, цифровыми данными, доказательствами почерпнутыми из экономической повседневщины. Основываясь на экономических фактах, Плеханов и развернул новые перспективы в тех кардинальных вопросах, которые стояли перед русской общественностью на исходе XIX века и требовали от нее словами древнего сфинкса: „Отгадай или я сожру тебя!"—то были вопросы об общине, о кустарничестве, об артели, о разложении натурального хозяйства, о пришествии капитализма. Мы в своем месте устанавливали, какую роль сыграли эти выступления Плеханова в истории русской общественной мысли. Здесь будет нам позволительно сказать лишь, что если бы Плеханов никогда впоследствии не высказал ни одного соображения по вопросам теоретической экономии, то уже одним своим спором с народниками он завоевал-бы себе почетное место в истории нашей экономической мысли.

Заслугой Плеханова—экономиста является, однако, не только умение мастерски разбираться в экономических фактах и помощью их ставить безупречные марксистские прогнозы, но не в меньшей мере, и та борьба за марксизм, которую он вел в сфере экономики.

Была эпоха—Плеханов ее называет „золотым временем буржуазной политической экономии",—когда в глазах теоретиков экономической науки капитализм был единственным нормальным хозяйственным строем, и законы, присущие этому строю, являлись естественными, вечными и непреложными законами общественного хозяйства. То было на заре капитализма, когда скрытые в капитализме противоречия проявлялись в очень слабой форме, когда рабочий вопрос не стоял еще пред обществом так грозно, как он стал несколькими десятилетиями спустя. В это время и выросло грандиозное здание классической политической экономии, нашедшей свое наиболее полное выражение в трудах Смита и Рикардо. Но по мере того, как изменялся „ход вещей" в европейском обществе, изменялся в нем и „ход идей". По мере того, как росли и ширились социальные противоречия в недрах капиталистического общества, как грозным призраком стали пред ним промышленные кризисы, как вышел на историческую арену рабочий класс—класс для себя, по мере того как начали, одним словом, показываться признаки грядущего заката капитализма, рушилось и стройное здание классической экономии. „Теперь"—писал Плеханов в своем критическом этюде о Воронцове,—„буржуазная экономия давно уже изверилась в самое себя, и теория естественных законов народного хозяйства потеряла почти всякий кредит".*) По мере того, как новые общественные отношения превращали принципы классической экономии в анахронизм, им на смену должны были приходить, и действительно приходили, новые взгляды, исходившие от новых экономических школ. Эти школы занимали определенное место в орбите классовой борьбы, заполнявшей собою современность. Одни из них продолжали цепляться за обанкротившийся догмат старой классической школы о естественных законах хозяйства (Бастиа). Другие старались примирить интересы капитала с интересами труда, спасая то, что можно было изнаследства классиков и предавая погребению те из принципов школы Смита—Рикардо, которые

*) Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.) СПБ. 1896 стр. 25.

были убиты ходом жизни (Дж. Ст. Милль). Наконец, к этому времени возникла величественная система, подвергнувшая экономическую науку современности всесторонней критике и обосновавшая экономические принципы в строгом соответствии с интересами рабочего класса (Маркс—Энгельс). Общественные отношения эпохи привели к тому, что по известному выражению Карла Маркса „дело шло уже не о том верна та или другая теорема, а о том вредна или полезна, удобна или неудобна она для капитала".

С середины XIX века любая экономическая школа была уже кровно связана с интересами определенной социальной группы. Экономисты сознательно или бессознательно подгоняли свои положеняи к интересам того буржуазного общества, частицу которого они представляли. „Западно-европейские буржуазные экономисты",—говорил Плеханов в одной из своих статей—„находятся теперь далеко не в таком положении, чтобы их могла интересовать та или другая теория an und für sich. Решающее значение имеют в их глазах практические стремления авторов этих теорий"...*) Это положение Плеханов доказал на примерах „историко-реалистической" школы, учения Родбертуса, „австрийской школы" предельной полезности и множества других течений экономической мысли. Политическая экономия—одно из сильнейших идеологических оружий в той классовой борьбе, которая непрестанно кипит вокруг нас. Долг идеолога рабочего класса выбить это оружие из рук противника,—завоевать его для своего класса. Да можно ли, однако, говорить о политической экономии, как об оружии в руках борющегося класса? Плеханов в этом не сомневался. Партийная наука,—отвечал он в свое время Бернштейну,—строго говоря невозможна. Но к сожалению, очень возможно существование «ученых», проникнутых духом партии и классовым эгоизмом. Когда марксисты презрительно отзываются о буржуазной науке, они имеют в виду именно «ученых» этого рода".**)

*) Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягецова. За двадцать лет. Изд. 3-е, стр. 48.

**) Cant против Канта, или духовное завещание г. Бернштейна. Критика наших критиков. Стр. 149.

Научный социализм отрицательно относится к классической буржуазной экономии. Но это отнюдь не значит, что он презрительно проходит мимо нее. Нет, современный социалист критикует учение классиков экономии, но он не метафизик и не утопист и потому умеет эту критику осуществлять диалектически:

— Она (классическая буржуазная экономия—С. В.) представляется им тем, чем она была в действительности, т. е. не сплетением лжи и софизмов, сбивших с толку человечество, а учением о законах, управляющих экономической жизнью общества на известной ступени развития. Теории буржуазных экономистов служат социалистам необходимым пособием при изучении того общественного порядка, который подготовляет условия социалистической революции. Диалектическая критика Маркса устранила односторонние, метафизические взгляды буржуазных экономистов, пополнила пробелы и исправила ошибки их теорий и поставила политическую экономию на совершенно новых основаниях... Буржуазная политическая экономия изучала буржуазный порядок в его готовом законченном виде, который она считала неизменным. Современная нам политическая экономия изучает буржуазный порядок с точки зрения развития, с точки зрения его возникновения и уничтожения.*)

Плеханов рассматривал экономическое ученье Маркса, как одну из сторон многогранной системы диалектического материализма. Борясь за чистоту всей системы, Плеханов не мог не бороться и за экономию марксизма. В одной из своих речей Г. В. сказал как-то, что он дал себе слово, по выражению Лассаля, „бить умственной дубиной“ всякого, кто становится между пролетариатом и ясным пролетарским сознанием.

Миссию страстного борца за чистоту и цельность марксизма Плеханов осуществлял и в области вопросов философских, и в области вопросов социологических, и в области, наконец, вопросов экономических.

С особенным возмущением и энергией, как мы видели, Плеханов восставал против всяких попыток „примирить“ марксизм с враждебными ему по существу

*) Н. Г. Чернышевский. СПБ. 1910, стр. 317.

течениями, противоестественно сочетать его с чуждыми направлениями, эклектически „дополнять“ и „исправлять“ его...

Всю силу проявлявшегося у него в таких случаях возмущения не раз почувствовали Туган—Барановский, Струве, Франк, Леонэ и другие критики экономических воззрений Маркса, венчавшие творца научного социализма с Брентано, с Бем-Баверком, с Парето и прочими калифами на час буржуазной экономической мысли, пытавшиеся сочетать теории, базирующие на психологических потребностях, с теориями, исходящими из производственных отношений.

„Критикуя критиков“ экономической теории Маркса, Плеханов рассеял немало предрассудков, которые сложились вокруг нее.

Одним из таких, к тому очень ходячим предрассудком, являлось знаменитое „противоречие“ между первым и третьим томами „Капитала“. Не один из критиков Маркса скакал и играл по поводу этого „противоречия“. Бем-Баверк, Воронцов, Бенедетто Кроче, Франк, взапуски твердили, что экономическая теория Маркса терпит крушение, благодаря столкновению закона трудовой стоимости с законом равного уровня прибыли.

Плеханов в своих работах очень убедительно показал, что то противоречие, в которое, по мнению критиков, впал Маркс, является противоречием мнимым, рожденным недостаточным пониманием марксизма. Ссылками на „Капитал“ Плеханов показал, что антиномия, возбуждающая недоумение критиков, была учтена Марксом, и им разрешена, что творец «Капитала» не утверждал прямого совпадения средних цен товаров с их стоимостями. Если Маркс в третьем томе „Капитала“ указал, что действие закона стоимости ограничивается и видоизменяется действием закона равного уровня прибыли, то это его утверждение находилось в соответствии с теми мыслями, которые он высказал в предыдущих томах своего труда. Еще до появления третьего тома Плеханов предсказал, что рассматриваемая антиномия может быть решена именно в том направлении, которое избрал, как вскоре оказалось, автор „Капитала“. Если Маркс указал, что действие одного

закона хозяйственной жизни ограничивается и видоизменяется действием другого ее закона, то никаких поводов для того, чтобы бить в литавры по поводу того, что Маркс противоречит самому себе, в этом утверждении нет. «Разве не точно излагает учение современной астрономии тот, кто говоря, что планеты движутся по эллипсисам, не считает при этом нужным в силу тех или других соображений, сделать добавление на счет тех или других отклонений от эллиптической орбиты, которые наблюдаются в действительном движении планет и которые, в свою очередь, находят себе об'яснение в других теоремах науки? В естествознании мы почти на каждом шагу сталкиваемся с тем явлением, что действие одного закона ограничивается и, следовательно, видоизменяется действием другого».*) Когда же «критики» Маркса, вроде Воронцова, предлагают те или иные решения мнимого противоречия между законами трудовой стоимости и равных прибылей, то они в сущности повторяют мысли, давно высказанные классиками экономии и несравненно более плодотворно использованные Марксом. Большая заслуга Плеханова-экономиста и в том, что он разбил ту „формулу притупления общественных противоречий", которую вслед за Кэри-Бастиа и их эпигоном Шульце-Геверницем, оседлали Бернштейн-Струве.

На многочисленных примерах, заимствованных из официальной статистики современных буржуазных государств, Плеханов показал как расходятся с действительностью те, которые твердят о постепенном смягчении социальных противоречий внутри капиталистического общества. «...Разглагольствования на тему о притуплении общественных противоречий, о диффузии богатства, об «обеднении» капиталистов и об «обогащении» работников являются горькой насмешкой над тем классом, которому с особой силой дает себя чувствовать общественное неравенство».**)

Если-б мы обратились к целому ряду существенных вопросов политической экономии—к вопросам рынка и кризисов, к теории народонаселения, к проблеме

*) Н. Г. Чернышевский. СПБ. 1910. Стр. 19.

**) Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития. Критика наших критиков, стр. 65.

земледельческой ренты—в истолковании Плеханова, то мы увидели бы, что это толкование неизменно остается ортодоксально-марксистским. В толковании всех этих вопросов Плеханов является не простым популяризатором взглядов Маркса-Энгельса, а прямым продолжателем их учения.

Говоря о Плеханове-экономисте нельзя пройти, наконец, мимо тех характеристик отдельных носителей экономической мысли и целых экономических школ, которые рукой мастера рассеяны по ряду его работ и которые образуют собой канву для марксистской истории экономических учений.

IV.

Центральная теорема диалектического материализма, устанавливающая, что идеальное есть переведенное и переработанное в человеческой голове материальное, была для Плеханова не только положением, нуждавшимся в теоретической разработке и защите, но и осью универсального метода исследования общественной жизни. Этим методом Г. В. с исключительной силой пользовался и как литературный критик, и как историк общественной мысли.

Главную задачу свою как литературного критика Плеханов видел в том, чтобы перевести идею данного художественного произведения с языка искусства на язык социологии, чтобы найти то, что может быть названо социологическим эквивалентом данного литературного явления *). Оценивая какое-либо произведение искусства, Плеханов прежде всего выяснял, какая сторона классового сознания выражается в нем, устанавливал, где то общественное «бытие», которое определило собою данное „сознание"—идеологию разбираемого произведения.

В своих критических статьях Плеханов неоднократно задавался вопросом о том, существует ли и в чем выражается причинная связь между техникой и экономикой общества, с одной стороны—и его искусством,—с другой. Восставая против расплывчатости и

*) За двадцать лет. Предисловие к третьему изданию СПБ. 1908, стр. X.

туманности известной формулы, определяющей искусство, как отражение жизни, Плеханов указывает, что понять процесс отражения искусством жизни можно лишь изучив механизм этой последней. Основная пружина жизни цивилизованных народов—классовая борьба. Следовательно, классовая борьба отправная точка при изучении искусства какого-либо народа. Ключ к об'яснению прекрасного Плеханов отыскивает не в биологии, а в социологии. Эстетические понятия и вкусы определяются общественными условиями существования. „Держась обоими руками за то неоспоримое положение, что общественное сознание определяется общественным бытием", Плеханов во всех своих литературно-критических выступлениях аппелирует к классовой борьбе, как основной пружине общественной жизни. Критерий классовой борьбы является в руках Плеханова ключем к уразумению процесса образования любого литературного произведения.

Не соглашаясь с рассуждениями Канта, доказывавшего, что эстетическое наслаждение свободно от всякого интереса, Плеханов признавал правильность указания Канта в применении к отдельным индивидуумам, но утверждал, что эстетические вкусы общественного человека в конечном счете об'ясняются причинами утилитарного характера.

В то же время, предупреждая неправильные выводы из указанного положения. Плеханов неоднократно выступал против того упрощенного взгляда, согласно которому искусство следует рассматривать, как нечто совершающееся под исключительным и непосредственным влиянием экономического фактора. Непосредственное влияние производительной деятельности человека на его миросозерцание, эстетические вкусы и создаваемое им искусство проявляется лишь в лишенном классового характера первобытном обществе. Но в обществе цивилизованном, разделенном на классы, непосредственное влияние хозяйственной деятельности на образование искусства становится менее заметным. Историю идеологии в обществе, разделенном на классы, можно уяснить лишь исходя из влияния классовой борьбы на психологию составных частей общества. В искусстве выражается общественная психология, характер же последней определяется теми отношениями, в которых находятся группы, образующие данное общество. Эти отношения в свою очередь складываются под влиянием развития производительных сил. Таким образом экономия влияет на искусство не непосредственно, а через различные факторы—политику, философию, религию и т. д., обусловленные ею самой.

Считая основной задачей литературной критики отыскание социологического эквивалента художественного произведения, Плеханов очень сурово осуждал тех критиков, которые, перегибая палку в другую сторону, ограничивают свою роль тем, чтобы переводить идею произведения с языка искусства на язык философии. Определение социологического эквивалента литературного произведения являлось для Плеханова первым актом материалистической критики; ее второй акт—анализ его художественных достоинств. Этот второй акт не только возможен, но и необходим.

Плеханов был одним из первых представителей той материалистической критики, которая, по его собственому выражению, с одной стороны понимала железные законы движения «экономической струны», а с другой показывала, как на этой струне вырастает «живая одежда» идеологии.

Пользуясь историческим материализмом, как универсальным методом исследования общественных явлений, Плеханов не только оставил ряд огромной ценности литературно-критических статей, но и обогатил русскую историческую науку своими исследованиями по развитию русской общественной мысли, насквозь пропитанными диалектическим материализмом.

Никогда не порывая той причинной связи, которая существует между «ходом вещей» и «ходом идей», Плеханов исчерпывающе обосновал материалистическое понимание русского исторического процесса, Г. В. заявил, что «историк русской общественной мысли, отвергая, как совершенно устаревшее учение о полном своеобразии русского исторического процесса, ни в каком случае, не может закрыть глаза на его относительное своеобразие». *) Не сомневаясь в том, что

*) История русской общественной мысли, т. I, стр. 11.

основным двигателем общественного процесса в России, как и во всякой другой стране, была классовая борьба, Плеханов обнаруживает коренную ошибку историков, сравнивающих эту борьбу исключительно с той, которая происходила на Западе, оставляя в стороне общественные отношения Востока. Лишь в сравнении России—страны, колонизовавшейся в условиях натурального хозяйства, с восточными деспотиями—ключ к пониманию русского исторического процесса, следовательно всех извилин русской общественной мысли. Пользуясь этим ключем, Плеханов вносил очень существенные коррективы в то понимание русского исторического процесса, которого придерживались многие видные авторитеты нашей исторической науки.

В противовес тем многочисленным суб'ективным историкам, которые витая в облаках абстрактного идеала, всюду и везде отыскивают вечные этические категории, Плеханов, опираясь на железный рычаг классовой борьбы, никогда не оставлял твердой социологической почвы.

Об этом свидетельствуют его исследования о Чернышевском, Белинском, Герцене, Чаадаеве и, прежде всего, оборвавшаяся «История русской общественной мысли».

V.

Энгельс установил в „Анти-Дюринге", что „материализм, по существу, диалектичен и более не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками". Доведя материалистическую диалектику до высшего совершенства, Плеханов всем своим творчеством доказывал этот энгельсовский тезис. „Философия Маркса и Энгельса", говорит Г. В., „не только материалистическая философия. Она есть диалектический материализм". *) Никогда не оставляя отточенного оружия диалектики, Плеханов рассматривал всякую форму в процессе движения. Он подходил к каждому историческому явлению, как к преходящему и старался не только вскрыть причины его породившие, но также отыскать те семена развития, которые оно в себе таит:

*) Предисловие к «Людвигу Фейербаху» Энгельса, стр. 81.

— Все течет, все изменяется, каждая вещь носит в себе зародыш своего исчезновения. Такой ход вещей, отражаясь в человеческих головах, обусловливает собою то, что каждое понятие заключает в себе зародыш своего отрицания. Это—естественная диалектика понятий, основанная на естественной диалектике вещей. Она не сбивает людей, владеющих ею, а, напротив, придает их мысли гибкость и последовательность. *)

Плеханов владел материалистической диалектикой, как никто. Поэтому она не сбивала его, а служила ему компасом, которым он пользовался при исследовании самых сложных и запутанных явлений общественной жизни. Следуя известной энгельсовской формуле, Плеханов всегда рассматривал вещи и их отражения в понятиях в „их взаимной связи, сцеплении, в движении, возникновении и уничтожении". Ни одного из принципов не возводил он на степень безусловной истины. Лейтмотивом всего его творчества было: „отвлеченной истины нет; истина конкретна, в ней все зависит от обстоятельств времени и места. Плеханов никогда не мыслил по формуле: „Да-да, нет-нет, что сверх того, то от лукавого". Он жестоко смеялся над так мыслящей „доктринерской породой марксистских попугайчиков"—„марксят", как говорил Г. В.

Материализм и диалектика являлись для Плеханова понятиями, взаимно дополняющими друг друга. Без одного из них он не мыслил другого. «В основе нашей диалектики», говорил Г. В., «лежит материалистическое понимание природы. Она на нем держится; она пала-бы, если бы суждено было пасть материализму. И, наоборот, без диалектики неполна, односторонна, скажем больше: невозможна материалистическая теория познания. **)

Диалектика—живой дух марксизма; революционность—душа диалектики. Революционная по существу, устанавливающая неминуемость уничтожения существующего уклада, она неприемлема в своем рациональном виде для идеологов буржуазии. Вот почему последние предпочитают иметь с ней дело в «мистифицированном виде», как говорил Маркс. „В мистифицированном виде"

*) Генрик Ибсен. СПБ. 1906, стр. 42.
**) Примечания к «Людвигу Фейербаху» Энгельса. Стр. 21.

диалектика превращается в оправдание действительности, становится философским освящением последней. «Мистификация» диалектики сводится к притуплению ее революционного острия, приписываемому ей отрицанию скачков в природе и общественном процессе, провозглашению непрерывности последнего. В своем „мистифицированном виде“ диалектика превращается в теорию постепенного эволюционного принципа.

Здесь—об'яснение тому, что большинство бывших марксистов, ушедших от рабочего класса к мелкой буржуазии, свой „критический пересмотр“ философских предпосылок марксизма начало с «мистифицирования» диалектической формулы. «Нам может быть понятно только непрерывное изменение», писал в свое время П. Б. Струве, поэтому „старое положение: natura non facit saltus (природа не делает скачков) должно быть дополнено другим: intellectus non patitur saltus (интеллект не терпит скачков)“.*)

Струве, Бернштейн, Бердяев, Булгаков утверждали, что природа, интеллект, история „не терпит скачков“. Из этой философской предпосылки следовал естественный вывод о невозможности скачка из „царства животных в область человеческой свободы“, о невозможности четко провести демаркационную линию между сменой одной социальной формации другой, об утопичности предсказания Zusammenbruch'a. Грозная перспектива социальной революции в результате „ревизии“ сменялась миролюбивыми чаяниями социальной реформы.

Плеханов, показав шаткость аргументов от философии Струве-Бернштейна, первый из марксистов определил те классовые стимулы, которые привели их к реакционной мистификации революционной диалектики.

Положению ревизионистов о том, что скачков не бывает, а есть только непрерывность, Плеханов противопоставил утверждение о том, что в „действительности изменение всегда совершается скачками, но только ряд мелких и быстро следующих один за другим скачков сливается для нас в один „непрерывный процесс“.**)

*) Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik. Bd. XIV. Heft 3/4. S. 679. Цитирую по Плеханову.

**) Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития. Критика наших критиков. Стр. 104.

Изучая природу и общество, надлежит всегда помнить, что скачки предполагают непрерывное изменение, а не, прерывное изменение неизбежно приводит к скачкам. Лишь на основе этого синтеза можно воздвигнуть правильную теорию познания.

Что касается той практической тенденции, которую таят в себе теоретические выступления в области толкования диалектического принципа, то Плеханов трактовал ее как тягу к передовым слоям мелкой буржуазии и попытку «приспособить» марксово учение к ее идеологическим запросам.

Диалектический материализм был для Плеханова цельным и единым философским миросозерцанием. Он неоднократно указывал, что исторический материализм это только часть материалистического понимания мира, что материалистическое об'яснение истории предполагает материалистическое понимание природы. В отличие от многих других марксистов, Плеханов был убежденным противником того взгляда, который защищал, напр., Штерн, утверждавший, что «не только с нравственным, но и философским материализмом исторический материализм не имеет ничего общего». *) Г. В. доказывал, что между материалистической философией и материалистическим пониманием истории имеется взаимная и неразрывная связь, что Маркс и Энгельс—материалисты не только в области исследования общественного процесса, но и в области понимания отношения между материей и духом.

Н. К. Михайловский в шутку назвал Плеханова „поэтом марксистской диалектики“. Мы можем повторить теперь слова Михайловского отнюдь не иронически. Г. В. был настоящим поэтом марксистской диалектики, которой он владел как немногие из учеников Маркса. Неуязвимая в логических построениях, убийственная в беспощадной иронии, овеянная пафосом революционной страсти, диалектика Плеханова была исключительной по своей силе и красоте.

Работа, проделанная Плехановым в области разработки диалектического материализма, воистину огромна.

*) И. Штерн. Исторический материализм. Перевод в изд. «Голоса» СПБ. 1905. Стр. 19.

Собирая воедино наследство Маркса—Энгельса, Г. В. разрабатывал, систематизировал, грудью защищал его от всякой попытки засорения, искажения и нес в массу марксов светильник материалистической диалектики.

В истории русской общественной мысли есть эпоха, когда наша разночинная интеллигенция массами становилась под знамя диалектического материализма. То были годы, когда Россия вступила в фазу капитализма, что не позволило более русской интеллигенции исповедывать исторический идеализм и толковать об исключительной самобытности русского исторического процесса. «Тогда», говорит Плеханов, «явился сильнейший спрос на исторический материализм, потому что только с его помощью можно было сделать удовлетворительный анализ как западно-европейского, так и русского общественного бытия». *) Вполне естественно, однако, что массовое увлечение историческим материализмом могло продолжаться лишь до тех пор, пока довлели реальные предпосылки этого увлечения. Вскоре начался „отход" от материализма и „возвращение" к идеализму со стороны интеллигентов, являвшихся идеологами европеизированной русской буржуазии, не смогшими примириться с теми выводами, к которым приводило приложение материалистического метода к русской общественной жизни. О всех почти теоретиках, выступивших в начале девяностых годов глашатаями диалектического материализма, через какой-нибудь десяток лет можно было сказать, что „иных уж нет, а те далече". И лишь один Плеханов, в отличие от своих минутных сторонников, бывший идеологом пролетариата, до конца дней оставался безупречно последовательным материалистом. Недаром один из наиболее убежденных идеалистических противников Плеханова Н. И. Кареев, вспоминая свою полемику с материалистами, сказал в 1913 году: „из тогдашних теоретиков экономического материализма один только г. Плеханов остался твердо стоять на занятой им позиции". **) Будучи идейным преемником Маркса—Энгельса и наследником их философской системы, Плеханов беззаветно отстаивал дух

*) История русской общественной мысли т. 1 стр. 129.
**) Н. И. Кареев. Собрание сочинений. 1913, т. III, стр. VI.

марксовой философии, но никогда не был в плену ее догмы. В. Г. мог не сомневаться, когда однажды сказал: „Я предоставляю сведущим в философии людям решить, как отношусь я к Марксу и Энгельсу: „как раб, следующий за своими господами, но неспособный усвоить всю полноту их мысли, или же, как ученик, сознательно отстаивающий те принципы, к которым пришли его великие учителя".*)

Мы видели выше, что Плеханов никогда не обращал исторического материалитма в шаблон. Он всегда относился чрезвычайно критически ко всем тем марксистам, которые злоупотребляли историко-материалистическим методом, как например, автору „Греческой теории становления" Элевфоропулосу или немецкому марксисту Фейегарду, недопустимо упростившим и схематитировавшим материалистическое понимание истории.**)

В ту пору, когда Плеханов начал свои выступления в защиту диалектического материализма, его противники упрекали Г. В. в том, что защищаемая им философская система не создала такой книги, которая давала бы этой системе оправдание. Плеханов в ответ указывал, что такая „книга" может быть создана только путем „длинного ряда частных исследований, обрабатывающих соответствующие области науки с помощью марксова метода". ***).

Если так, то следует признать, что никто не сделал для создания книги столько, сколько сам Плеханов. В его философских памфлетах, литературно-критических и исторических трудах мы имеем настоящую „книгу" диалектического материализма. В каждой странице этой книги чувствуется, что она написана человеком, для которого диалектический материализм был сильнейшим из духовных оружий рабочего класса в борьбе за его раскрепощение. Поэтому Плеханов так ревниво оберегал философию пролетариата от всякого искажения ее теориями, „бившими марксизм по лицу": на духовном оружии самого революционного из всех классов совре-

*) От обороны к нападению. Стр. 633. Идеология мещанина нашего времени.
**) У нас в России такой склонностью к упрощению марксизма особенно страдал, как известно, покойный Шулятиков.
***) Основные вопросы марксизма. Птг. 1917 г. стр. 105.

менного общества нельзя оставить ни единого пятна эклектической ржавчины—она притупит это оружие. О Плеханове можно смело сказать словами Энгельса, что он „не шутил с марксизмом".

В „Критике гегелевой философии права" Маркс утверждал, что подобно тому, как пролетариат обретает в философии духовное оружие, точно также философия обретает в пролетариате свое физическое орудие. Если так, то заслуга Плеханова в области диалектического материализма велика вдвойне. Он не только дал в руки рабочему классу России это мощное оружие, но он предварительно этот рабочий класс открыл.